

Семья Чеховых эмигрировала из Таганрога в 1876 году, а Антон Павлович оставался там один до 1879 года, чтобы закончить курс гимназии и получить аттестат зрелости. В те времена в Таганроге никто ни о каких дачах не знал, и все, у кого не было своего хутора или имения, оставались на все лето жариться в городе. Оставались и Чеховы. Их было пять братьев и одна сестра {75}, и едва только кончались экзамены, как братья Чеховы вместе со своими одноклассниками и соседскими мальчиками отдавались каникулам в полном смысле этого слова. Благодаря страшным сухим жарам все братья ходили босиком. Спать в комнатах не было никакой возможности, и поэтому все они устраивали на дворе и в садике балаганы, в которых и ночевали. А.П., будучи тогда гимназистом пятого класса, спал под кушей посаженного им дикого винограда и называл себя "Иовом под смоковницей". Под ней же он писал тогда стихи, хотел сочинить сказку. Я помню только ее начальные строки:

Эй вы, хлопцы, где вы, эй!
Вот идет старик Аггей.
Он вам будет сказать сказку
Про Ивана и Савраску... и т.д.

В то время А.П. вообще предпочитал стихи прозе, как, впрочем, и всякий гимназист его возраста.

В нашем дворе жила старушка С., которая у наших родителей нанимала маленький флигелек. За ее шепелявость А.П. прозвал ее "Шамшой". У этой Шамши была дочь Ираида, гимназисточка, которая, по-видимому, очень нравилась будущему писателю. Но ухаживания Антоши проходили как-то по-своему. Однажды, в воскресенье, Ираида, в соломенной шляпке и наряженная как бабочка, выходила из своего флигелька к обедне. А.П. в это время ставил самовар. Когда девочка проходила мимо него, то он что-то сострил на ее счет. Она надула губки и назвала его мужиком. Тогда он со всего размаха ударил ее прямо по шляпке мешком из-под древесного угля. Пыль пошла, как черное облако. Как-то, размышляя о чем-то, эта самая Ираида написала в саду на заборе какие-то трогательные стихи. А.П. ей тут же, на заборе, ответил мелом следующим четверостишием:

О поэт заборный в юбке,
Оботри себе ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Вставали в этих шалашах очень рано. Иногда наша мать, Евгения Яковлевна, поручала с вечера братьям Антону и Ивану как можно раньше сходить на базар и купить там провизии к обеду. Ходил с ними туда и я, тогда еще маленький пригостишка. Однажды А.П. купил живую утку и, пока шли домой, всю дорогу теребил ее, чтобы она как можно громче кричала.

- Пускай все знают, - говорил он, - что и мы тоже кушаем уток.

На базаре А.П. присматривался к певчим птицам и к голубям, с видом знатока рассматривал на голубях перья и оценивал их. Это, мол, турман, а это - дикарь. Около голубей всегда можно было встретить такого же любителя Еру Дубодогло и поговорить с ним о ловле щеглов и чижей. Были у А.П. и свои собственные голуби, которых он каждое утро выгонял из голубятника вместе с жившим у нас на побегушках мальчуганом, страстным голубятником, Мишкой Черемисовым. Этот Мишка очень любил слушать проповеди священника и, возвращаясь от богослужения домой, всякий раз принимался сочинять проповеди и сам, причем каждое слово начинал с большой буквы. Писал он необыкновенную чепуху, и А.П. всегда поощрял его в этом и сам иногда диктовал ему. Когда два наши старшие брата, Александр и Николай, уехали в Москву поступать - один в университет, а другой в училище живописи, Мишка писал им туда проповеди, в которых братья тотчас же угадывали руку Антона. Я помню, что одно из таких писем-проповедей начиналось так: "Братие. Не будьте благомысленны".

Каждый день ходили на море купаться. По дороге заходили за знакомыми, и к морю шла всегда большая компания. Купались обыкновенно на Банном съезде, где берег был настолько отлогий, что для того, чтобы оказаться в воде по шею, нужно было пройти от берега по крайней мере полверсты. Вместе с нами ходили и две черные собаки, принадлежавшие А.П. В воде обыкновенно сидели целыми часами и когда шли обратно, то необыкновенно хотелось пить. По пути, на углу Итальянского переулочка и нашей улицы, была палатка, в которой продавали квас, - и было счастьем, когда у кого-нибудь из мальчиков находилась в кармане копейка, так как на копейку продавали целый громадный деревянный ковш, к которому мы припадали одновременно со всех сторон. Кто-нибудь из нас оказывался счастливецом: он возвращался домой с моря с так называемой "болбиркой". Это кусок коры какого-то дерева, из которой местные рыбаки делали обыкновенно на свои сети полавки. Найти на берегу "болбирку" считалось у